

Горькая весть

Странная, горькая весть из Праги: не стало режиссера Петра Лебла. Художник новой Чехии, он был воплощением молодости и свободы — насмешник, любитель эпатажа, бесстрашный и беспощадный. Он начал рано, с любви-тельства, и рано стал знамени-

Утрата

Экран и сцена. — 1999 — Дек. (№ 51) — С. 2

тым. В 28 лет возглавил пражский театр "На Забрадли"; работал много и неуемно — постановщик, и педагог, и сценограф, скрывшийся за псевдонимом WN. Он ставил современных и старых авторов, абсурдистов и классиков, в том числе наших — Гоголя, Чехова.

С Чеховым и пришла к нему слава. Постановка "Чайки" в 94-м году вызвала шок в Европе, как вызовет вскоре на Втором Чеховском фестивале, где москвичи познакомились с Леблом. Дерзкий, гротескный спектакль, карнавальная игра, где режиссер вволю позидевался над всеми, к финалу оборачивалась трагедией — суровой, глубокой, холодной; трагедией расплаты, возмездия, Рока.

Вызывающий, мощный спектакль не вязался с обликом самого Лебла — светлого, ясного, юного; быть может, обманчивым обликом, потому что не может быть вполне ясной душа художника, заглянувшего в такую бездну. То, насколько там, внутри, все было

сложно и драматично, подтвердилось в "Иванове", следующем чеховском спектакле Лебла, также привезенном в Москву. Снова — парадоксы, загадки, российский абсурд, дурной карнавал; на фоне ряженных — горестное лицо Иванова с его одиночеством и тоской, с исповедью публике, нам; с его ощущением тупика; с бегством — опрометью, в смерть — от тех личин и претензий, которые ему навязывала жизнь.

Сам Лебл был по-прежнему легким, веселым; говорил о трудном, шутя: "Этот парень, Чехов, записал себя во всех этих персонажей...". Речь шла о душевном родстве художника и его героев. Быть может, такое родство чувствовал и сам Лебл; записал себя в Треплева и в Иванова — и повторил их судьбу. Ушел сам, в 34 года — роковой, по Чехову, возраст, сделав последним спектаклем своим "Дядю Ваню".

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА